

ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ III ВСК

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

НЕСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО ИТОГАМ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА, 21 ОКТЯБРЯ 2008 г.

Первое, что я должен отметить, — так это сравнительно широкий масштаб проведенного Конгресса. Действительно, кто бы мог подумать даже в конце 80-х, что мы подучим 2500 заявок и почти 1500 реальных участников этого мероприятия? Что не только пленарное заседание, но и работа сессий, секций и круглых столов будет проходить при заполненных аудиториях? На мой взгляд, это говорит о том, что существует большой интерес к социологии, большое стремление понять, что происходит с нашим обществом, тем более что заявлен был столь широкий ракурс рассмотрения: «взаимоотношения социологии и общества». Тема достаточно широкая, но для юбилейного конгресса вполне подходящая. Для себя я нашел немало интересного, ведь в какой-то мере наш интерес к тому или иному событию определяется степенью участия в нем! (Признаюсь, что я был членом Программного комитета, и по своему положению и характеру я не мог формально относиться к своим обязанностям в этом качестве.)

Мне представляется, что многие участники Конгресса получили определенное удовлетворение от этого события. Но я знаю и тех, кто, будучи вовлечен в позиционную борьбу, которая неизбежно присутствует на мероприятиях подобного рода, остался разочарован — то ли из-за собственной позиции стороннего наблюдателя, то ли от устойчивого предубеждения, что ничего хорошего «в этой стране» не может и получиться, что «у нас» нет и быть не может «настоящей социологии»

Здравомыслов Андрей Григорьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 719-09-40. Электронная почта: azdravom@yandex.ru

по определению. В этой очень удобной позиции пребывает немало наших коллег, рассуждающих по принципу: «либо все, либо ничего». А поскольку «все, чего хочется», получить в обыкновенной ситуации невозможно, то лучше пусть будет «ничего». Мне искренне жаль, что многие наши коллеги не приняли участия в этом событии, их голос мог бы обогатить дискуссии.

Еще одно предварительное замечание: инициатива проведения юбилейного Конгресса исходила от руководства двух академических институтов — Института социологических исследований (ИС РАН), возглавляемого членом-корреспондентом РАН М.К. Горшковым, и Института социально-политических исследований (ИСПИ РАН), возглавляемого академиком РАН Г.В. Осиповым. Одновременно с юбилейным мероприятием подошел срок очередного третьего по счету Съезда Российского общества социологов. Таким образом, по сути дела с 21 по 24 октября проходили два мероприятия, которые готовились двумя организационными структурами. Организационный комитет, формально возглавляемый Президентом РАН академиком Ю.С. Осиповым (Г.В. Осипов и М.К. Горшков были его заместителями) готовил пленарное заседание, которое состоялось в первый день — 21 октября. Программный комитет возглавлял член-корреспондент РАН Н.И. Лапин. В состав Организационного и Программного комитетов Конгресса входил и действующий Президент РОС проф. В.А. Мансуров. Именно в Программный комитет поступили упомянутые 2500 заявок. Работа подразделений Конгресса продолжалась 22–24 октября. Сессии, секции и круглые столы проходили, главным образом, в здании ГУ–ВШЭ. Поэтому важную роль в работе Программного комитета играли декан социологического факультета профессор А.Ю. Чепуренко и первый проректор ГУ–ВШЭ В.В. Радаев. Тематически оба мероприятия не отличались друг от друга: оба они были посвящены взаимоотношениям социологии и общества в современной России.

Так что же происходило на Конгрессе? Что привлекло мое внимание?

Начну с пленарного заседания. Для будущих историков российской социологии оно чрезвычайно важно! Приветствие от Президента страны огласил глава администрации Президента РФ С.Е. Нарышкин. Из него было ясно, что не только юристы и экономисты, но и социологи приносят определенную пользу российскому обществу. Такая оценка, особенно в юбилейные торжества, греет сердце. Затем речь произнес лично Президент Российской академии наук академик Ю.С. Осипов, за ним — ректор МГУ академик В.А. Садовничий. И вот выступил действующий Президент МСА Мишель Вевёрка с посланием от МСА, которое вполне вписывалось в основную тему Конгресса. Это было насыщенное выступление, в котором отмечалось

ощущение динамизма как главное впечатление от знакомства с положением дел в российской социологии. «Один из моментов этого большого динамизма — это, прежде всего, студенты, некоторые из них сегодня здесь присутствуют, но этим, конечно, не ограничивается то, что я чувствую, и то, что я увидел. За этими студентами — будущее, и об этом свидетельствуют недавние события на социологическом факультете МГУ»¹. Здесь впервые был публично упомянут конфликт, который сотрясал социологическое сообщество более года тому назад. Студенты пытались изменить ситуацию на факультете в пользу большей открытости и вовлечения в процесс преподавания современных достижений дисциплины в стране и за рубежом. А главное, они стремились оградить себя от мобилизации под знамена «консервативного православия», которое стало доминирующей идеологией отнюдь не в духовной семинарии, а на социологическом факультете главного университета страны. (Кстати, об этих событиях академик Садовничий не упоминал в своем выступлении, оставив приоритет в их освещении на Конгрессе первому проректору ГУ–ВШЭ В.В. Радаеву²).

Второй сюжет, затронутый Президентом МСА, был мне еще более близок. В центре выступления оказалась идея сопоставления образа хорошего социолога в разных культурах и странах. Речь шла об образах политически ориентированного социолога, с одной стороны, и социолога, который находится полностью вне политики, — с другой. «Если вы взглянете на французскую ситуацию, — отметил Вевёрка — то можете обнаружить, что там хороший социолог — тот, который играет роль интеллектуала, то есть интересуется общественной жизнью, участвует в политике, публикует статьи в журналах, выступает по телевидению и радио. Если же вы обратитесь к американской ситуации, то увидите, что хороший социолог там как раз тот, кто не выступает по телевидению, его голос не звучит по радио, он не пишет в газете. Это — профессионал, деятельность которого оценивается исключительно его коллегами и который живет исключительно в академическом мире»³. Я полагаю, что для российских социологов сегодняшнего дня выбор между этими двумя крайними позициями во многом остается открытым. Единственно, чем он предопределен, так это латентной политической ориентацией самой России: возвращаться ли всей стране под прикрытием дымовой завесы «демократии» в архаическое состояние самодостаточности и изоляционизма или же продолжать начатый за

¹ Вевёрка М. Чему служит социология? Почему социология является наукой? Выступление на открытии III Всероссийского социологического конгресса [online]. Дата обращения 19.01.2009. URL: <http://www.isras.ru/publications_bank/1225431449.pdf>.

² См. полный текст выступления В.В. Радаева на сайте Полит.ру

³ Вевёрка М. Указ. докл.

последние годы трудный процесс по «вхождению российской экономики в современный многосложный мир». Я говорю об этих ориентациях как «латентном» выборе, поскольку в заявлениях и действиях российских лидеров имеются сигналы движения как в том, так и другом направлениях.

Далее этот день — 21 октября — развертывался следующим образом. Прежде всего, выступали два основных докладчика — Г.В. Осипов и М.К. Горшков. Первый выступил с докладом по истории российской социологии, второй взял на себя не менее трудную задачу — представить картину современного российского общества в свете социологии. Оба докладчика имели возможность предварительно опробовать свои выступления в ходе подготовительных мероприятий. Первое состоялось 26 марта 2008 года и называлось юбилейной сессией Российской академии наук, вторая апробация была предоставлена журналом «Социологические исследования» (2008, № 7), в котором докладчики опубликовали свои позиции для более широкой аудитории. Любопытно отметить, что содержание текстов от события к событию изменялось. Тема Г.В. Осипова при этом оставалась неизменной. А у М.К. Горшкова произошло радикальное изменение в самой теме доклада: 26 марта он выступал с докладом «Уроки и перспективы отечественной социологии». На эту же тему он выступал и в журнале. А на пленарной сессии тема была следующей: «Российское общество в социологическом измерении».

Геннадий Васильевич поставил перед собою благородную задачу — раскрыть историю создания и воссоздания российской социологии. Особенно впечатляюще была галерея фотопортретов — с В.В. Берви-Флеровского до Ю.А. Левады и Б.А. Грушина. Осипов дает почти достоверную картину нарастания компонентов социологического знания в дореволюционный период. У этой картины есть лишь один недостаток: изымается то в истории социальной мысли, на что в советский период делался особый упор — под давлением православной идеи осознанно замалчивается история общественной мысли демократического и социалистического направления. Исчез А.И. Герцен — современник О. Конта и К. Маркса, заложивший основы антропосоциальной методологии в российском социальном мышлении⁴. Исчезло все направление литературной социальной критики, столь сильно влиявшее на становление основ демократического мышления, исчезло упоминание о марксистском влиянии на социальную мысль в России (за исключением Н.И. Бухарина), без вариаций которого нельзя понять советский период истории российского общества⁵.

⁴ См. Общая социология. Хрестоматия / Составители А.Г. Здравомыслов и Н.И. Лапин. М.: Высшая школа, 2006.

⁵ В моей книге «Социология: теория, история, практика» (Наука, 2008) изложена концепция отечественной социологии под углом зрения именно взаимоотношений социологии и власти. Исходным моментом в этой концепции служит разграничение научной деятельности и деятельности политической: они имеют разные основания и, тем более, различные источники мотивации.

В докладе Осипова — на разных этапах его подготовки с различными акцентами — содержится утверждение, что восстановление эмпирической социологии было сознательно направлено против партийного руководства, против марксизма и против исторического материализма⁶. Но насколько я знаю, никто из серьезных социологов этого времени не были диссидентами и не воспринимали себя в этих категориях. Наоборот, как и другие шестидесятники, они стремились содействовать построению «социализма с человеческим лицом». Дело в том, что сама партия после XX съезда — и это очень важный факт, требующий социологического осмысления, — перестала быть однородной. А реальность состояла в том, что ни одно серьезное исследование не могло быть выполнено без поддержки партийных органов. Иначе бы невозможно было попасть ни на одно предприятие. К тому же надо признаться, что многие из тех, кто выступил инициаторами социологии в стране, сами занимали руководящие посты в партийных или комсомольских инстанциях.

Что касается доклада М.К. Горшкова, то его автор предпринимает попытку *постулировать* определенные положения, *основанные на эмпирических данных*. Сами по себе эти данные важны и исключительно интересны. Так, мы узнаем, что (при некоторой степени огрубления) все население России (на 2008 год) разделяется на три имущественные слоя: 16% населения, то есть 23 млн. человек, — продолжают оставаться за чертой бедности, 43% остаются на грани бедности или оказываются малоимущими, и только 41% населения живет в достатке, «поскольку они сумели адаптироваться к условиям трансформирующегося общества»⁷. Значительная часть доклада основана на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»⁸, который известен как одна из наиболее достоверных баз

⁶ Точнее было бы сказать о направленности социологических исследований против догматической интерпретации марксизма и исторического материализма, поскольку 1960-е годы продемонстрировали достаточно богатые возможности развития этих направлений политической и научной мысли. Напомним имена Э. Ильенкова, В. Келле и М. Ковальзона, работы В. Тугаринова, не говоря о представителях зарубежной марксистской мысли.

⁷ Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении: Доклад на пленарной сессии Всероссийского социологического конгресса, Москва, 21 октября 2008 г. [online]. Дата обращения 19.01.2009. URL: <http://www.isras.ru/publications_bank/1226309230.pdf>.

⁸ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения — РМЭЗ (Russian Longitudinal Monitoring Survey — RLMS) проводится с 1992 г. исследовательским центром «Демоскоп» совместно с Институтом социологии РАН и Университетом штата Северная Каролина в Чэпел Хилле (США). Ежегодно по общенациональной выборке опрашивается более 4500 домохозяйств, более 12 тыс. человек в 160 населенных пунктах России. — *Прим. ред.*

эмпирических данных социологического профиля. В целом, этот доклад, безусловно, интересен не только социологам, но и тем, кто профессионально занимается разработкой вопросов социальной политики.

Сделаем все же одно замечание по тексту доклада. При обсуждении вопросов о легитимации социальных неравенств в современной России упор делается на сближении «правил игры» — имеется в виду практики распределительных отношений — «с теми представлениями о справедливости, которые являются краеугольными для российского национального самосознания». Здесь возникает иллюзия, что некое российское «национальное самосознание» — без усилий социологов, экономистов, историков и юристов — располагает «справедливым знанием» о том, как, кому и в каких пропорциях следует распределять блага. На самом деле эти представления о справедливом доходе, справедливой доле (части наследуемого имущества), справедливом решении суда, справедливом наказании и, соответственно, о несправедливых действиях во всех этих ситуациях — остаются весьма подвижными. Они выражают позиции сторон, находящихся в отношениях конфликта, где наряду с утверждением собственной позиции содержится отрицание позиции противоположной стороны как необоснованной и несправедливой. Именно поэтому бессмысленно искать в «российском менталитете», как и во всей преисполненной конфликтами российской истории, каких-либо «краеугольных представлений о справедливости»; эти представления радикально меняются вместе с изменением исторической ситуации. Ведь всякая социальная группа имеет собственное представление о справедливости, привязанное к конкретной исторической ситуации. Заметим кстати, что выдвигание идеи справедливости в качестве доминирующей ценности российского национального самосознания, несомненно, указывает на повышенную конфликтность российского общества в его реальных социальных отношениях.

Из докладов второй очереди на меня произвел большое впечатление доклад В.В. Радаева «Возможна ли позитивная программа для российской социологии?»⁹. Этот доклад был посвящен сегодняшнему состоянию социологии. Автор проанализировал проблемы как состояния исследований в нашей области, так и преподавания дисциплины. Он поставил вопросы культуры социологии в нашей стране достаточно корректно и, вместе с тем, не обходя ни одного из тех острых вопросов, которые обнаружились за последние годы. К ним относятся стандарты социологического образования; нравственный климат в социологическом сообществе (плагиаты, зафиксированные в текстах учебников МГУ);

⁹ Предварительная версия доклада была опубликована в «Социологических исследованиях» (2008, № 7). Наиболее полную версию см.: Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? [online]. Дата обращения 19.01.2009. URL: <http://www.isras.ru/publications_bank/1225434693.pdf>

действия, направленные на раскол социологического сообщества (создание ССР); попытки дискредитировать ведущих социологов страны¹⁰; неправомерная эксплуатация идеи патриотизма православно-консервативным крылом, закрепившимся в определенных социологических структурах; монополия социологического факультета МГУ.

В докладе были поставлены вопросы теоретического характера. К их числу относится и вопрос об аксиоматике в структуре социологического знания. Вопрос, можно сказать, глобальный. Можно ли приступить к исследованию или выходить на кафедру, не формулируя некоторой совокупности исходных положений, которые принимает автор исследовательского проекта или лекционного курса? В нынешней ситуации декларирование самой дисциплины «социология» явно недостаточно. Нужно обязательно уточнять, о каком направлении в социологии идет речь и в чем состоит аксиоматика именно этого направления. Необходимость такой постановки вопроса было проиллюстрировано на самом пленарном заседании: один из его участников представил обширный доклад, не имеющий никакого отношения к социологии. Он как бы засвидетельствовал перед лицом социологического сообщества, что он «не в теме». Значит, действовал какой-то скрытый механизм выдвижения докладчиков на пленарное заседание.

Мысль об аксиоматике в социологии, высказанная В. Радаевым¹¹, стала причиной того, что я изменил тему своего выступления, которая была объявлена в Программе Конгресса. На начальном этапе подготовки я намеревался выступить с итогами своего исследования, поддержанного грантом РГНФ¹², но, прочитав материалы седьмого номера «Социологических исследований», я обнаружил, что основные авторы этого

¹⁰ «Накануне празднований возрождения российской социологии присутствующий современной социологии методологический плюрализм сопровождался в России попытками идейного и институционального раскола социологического сообщества. Так, под знаменами одного из новодельных социологических объединений прозвучали пренебрежительные замечания и подвобы обвинений в адрес российских социологов-шестидесятников, которые так много сделали для становления новой российской социологии. Они прозвучали со стороны тех, кто, несмотря на высокие формальные позиции, не имеет, на наш взгляд, и малой доли заслуг наших предшественников» (см. там же).

¹¹ Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? // Социологические исследования. 2008. № 7.

¹² Тема гранта — «Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам» (№ 06–03–00056а). Итоги в сжатой форме опубликованы в двух статьях в журнале «Социологические исследования»: «К вопросу о культуре социологического мышления» (2008, № 5) и «Тройственная интерпретация культуры и границы социологического мышления» (2008, № 8).

юбилейного номера существенно расходятся в главном вопросе, а именно, — что такое социология? Я решил, что об этом нужно сказать, но не в прямой форме, имея в виду весомость регалий, а в форме позитивного ответа на вопрос для самого себя и, возможно, для аудитории¹³.

Итак, что собою представляет социологическое мышление как особый взгляд на мир? Хорошо известно, что такое экономическое мышление, правовое, административное и иные формы мышления, проникающие во все сферы управления, в том числе и на государственный уровень. Этот вопрос возникает как в практике преподавания, так и при организации исследований. Что касается социологического мышления, то оно может формироваться не только средствами социологического образования, но и на основе жизненного опыта. В то же время, можно получить дипломы, свидетельствующие об окончании социологических учебных заведений, но не обладать социологическим мышлением. Думаю, что принципы этого мышления можно изложить в шести-семи положениях.

Первое. Прежде всего, нужно понять, что во всех направлениях социологии, как бы они ни отличались друг от друга, есть некоторая общая тема. С одной стороны эта тема выражается очень простыми словами — человек и общество, общество и человек, их взаимопроникновение, не просто отдельно общество и отдельно человек, но общество в восприятии человека и человек в социальном мире.

Эта идея получила сложное теоретическое выражение в такой форме, что предметом социологии является *социальное действие*. Социальное действие — главная тема социологии. Это означает, что социолог в своем сознании ищет не столько объективные обстоятельства, которые порождают действие, а, прежде всего, того, кто это действие производит и с какими намерениями, целями. Эта формула была вычленена Т. Парсонсом в 1937 году и затем негласно получила общее признание. Часто отождествляют Парсонса со структурно-функциональным анализом, на самом деле его гранд-теория есть именно теория социального действия.

При этом она являлась базой для так называемого ортодоксального консенсуса в социологии, который сложился в 60-е годы прошлого века, о котором пишет Э. Гидденс в своей «Структурировании общества»¹⁴. Ортодоксальный консенсус основывался на теории социального действия, которая при широкой трактовке включала в себя и теорию революции, и теорию реформ. Этот консенсус был разрушен в конце 60-х годов в результате студенческих волнений.

¹³ Хотя я и был объявлен и числе выступающих на пленарном заседании, но слова не получил. Поэтому здесь я воспроизвожу текст, заготовленный для выступления, с некоторыми поправками.

¹⁴ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурирования. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.

Второй момент. Социальное действие развертывается не только в форме действия индивидуального субъекта и его оппонента или участника такого действия. Оно развертывается на ряде уровней, и социологическое мышление должно схватывать эти уровни, это, в грубом варианте, микроуровень, мезоуровень и макроуровень. То, что мы слышали от Геннадия Васильевича Осипова в достаточно интересной заключительной части его доклада было явная макроуровневая концепция. С точки зрения социологического анализа, социологического мышления, эта концепция рассматривает верхний этаж одного общества и государства как субъекта действия. Но дело в том, что всякое общество существует в контексте других обществ, это раз, и второе, — имеются другие уровни развертывания того же действия (микро- и мезоуровни). Вопрос об уровнях в связи с трансформационными процессами рассматривался в совместном докладе Т.И. Заславской и В.А. Ядова¹⁵. Эта же мысль была проведена и в выступлении Н.И. Лапина, который абсолютно четко показал, что одна из главных, а может быть, и главная, проблема современного Российского общества, — это неравенство экономического и социокультурного развития регионов России.

Третий момент. Если мы принимаем, что социальное действие — базовая категория социологического мышления, то надо понимать, что действие никогда не есть акция одного человека, что бы он сам о себе ни думал, но всякое действие встречает контрдействие, сопротивление со стороны внешней среды, условий жизни, традиций, других интересов. То есть мы должны понимать, что такое направление социологии, как *социология конфликта* представляет собой не случайное отступление социологической мысли, а базисную концепцию социологического развития. Она в отчетливой форме прослеживается в истории социологии, от марксизма и вплоть до Козера, Дарендорфа и Бурдье, которые разрабатывают теорию конфликта в социологии, в социальной жизни на громадном историческом материале¹⁶. То есть, это экспликация идеи противоречия гегелевской диалектики включает в себя социологию конфликта как составляющую часть. Игнорирование этого направления абсолютно недопустимо с точки зрения норм социологического мышления (как я их понимаю). Если мы приняли постулат социального действия и контрдействия, то рассмотрение конфликта обязательно. Это не значит, что социологи призывают

¹⁵ Статья, написанная на основе этого доклада, публикуется в данном номере, с. 8–22. — *Прим. ред.*

¹⁶ Я искренне надеюсь, что в новом издании книги В.А. Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» (СПб.: Интерсоцис, 2006) найдется место и для социологии конфликта.

к конфликту. Нет, они должны понимать, и они понимают, настоящие социологи, что все отношения в обществе, даже отношения сотрудничества, содержат в себе потенциальный конфликт, или неразвитый конфликт. Очень часто мы видим примеры, как лучшие друзья или даже родственники, становятся смертельными врагами, реже бывает обратное — превращение врагов в друзей, но друзья, союзники по политической борьбе становятся врагами — это общее правило. Причем расхождения начинаются на основе мельчайших разногласий, которые возрастают как снежный ком, и получается взаимоисключение. Социология, понимая этот механизм, разрабатывает методы взаимного предотвращения конфликта; это нужно для стабилизации общества. Надо понимать, что прошлое нельзя постоянно будоражить, нельзя пробуждать демонов, которые возникают из-под земли и разбивают души живых людей.

Четвертый момент. Одна из существенных характеристик современного социологического мышления состоит в ориентации на выявление непредвиденных последствий целерационального социального действия (Ф. Энгельс и Р. Мертон). Я предлагаю более сложную конструкцию, направленную на выявление соотношения ожидаемых и непредвиденных последствий социального действия. Так, например, выполнение задач модернизации страны в 30-е годы в Советском Союзе (цель социального действия первого порядка) предполагало мобилизацию всего населения (предвиденное последствие социального действия, или цель второго порядка). Но мобилизация населения влечет за собою последствия двойного порядка: предвиденные последствия в виде возрастания энтузиазма массы людей, вовлекаемых в общее действие, и непредвиденные, которые могут быть оценены актором только после того, как они произойдут. В нашем случае речь идет о возрастании жестокости и насилия, которые переплетались с энтузиазмом, были его обратной стороной. И энтузиазм, с одной стороны, и жестокость и насилие, — с другой, выступают как социально значимые мотивы, действующие в массовом порядке. В результате действия обеих групп мотивации в стране создается военный и экономический потенциал, сыгравший решающую роль в исходе второй мировой войны (основное предвиденное, ожидаемое последствие индустриализации). Но вторым результатом той же самой совокупности мотивов стали массовые репрессии и система ГУЛАГа.

Как видим, особенность непредвиденных последствий состоит в том, что они становятся очевидными после того, как свершились. Значит, они не могут быть предвиденными. Так оно и есть, они не предвидятся актором, но сознание социолога должно быть ориентировано на то, чтобы увидеть нечто не воспринимаемое самим актором.

Пятый момент. Главная идея теории социального действия — это идея восприятия Другого. Научность социолога состоит в том, что он

не может исходить из той идеи, что у действия есть только одна сторона. Его задача состоит в том, чтобы понять, на кого направлено социальное действие, кто этот Другой? С одной стороны, есть сам действующий субъект, с другой стороны, есть те силы, союзы, группировки, которые выступают от противоположной стороны. И важно, как подчеркивал Ю.А. Левада, от фактов перейти к объяснению, от объяснения — к пониманию. Это общая установка гуманитарной науки.

Шестое — закон, выделенный Н. Смелзером и названный им законом добавленной ценности — «added value». Не прибавочной стоимости (по Марксу), а «добавленной ценности». Ни одна вещь не может быть цельной, если мы видим только ее начало. Для того чтобы построить дом, необходимо заложить фундамент, а затем добавить к этой ценности (стоимости) этажи. Самолет не может лететь без заправки, а заправка в рыночной экономике не может быть произведена без оплаты счетов. Тут мы видим, как происходит социальное действие кризисного порядка, когда сотни людей остаются ночевать в аэропортах. Прежде всего, это относится к целеполаганию действий. Нельзя провозглашать цели, не планируя, не имея средств для их реализации. Надо все тщательно продумывать. Отказ от этого принципа, несоблюдение его являются главным пороком *идеологического* мышления. Политика В.В. Путина строилась, особенно на первых порах, на минимальной декларации целей. За это его подвергали критике, но он молчал и решал очевидные задачи. Это пример социологического мышления. Но чаще наблюдаются противоположные примеры со стороны политиков, стремящихся к идеологическим конструкциям. При этом цели бывают хороши, но смысл и средства их осуществления недостаточно продумываются. Например, в некоторых публикациях выдвигается тезис о России как уже сложившейся «гражданской нации».

Но может ли существовать «гражданская нация» без укорененной традиции функционирования «гражданского общества»? Это большой вопрос! В России еще существует нищета и масса других проблем, в том числе идет процесс углубляющейся социальной дифференциации. На мой взгляд, прежде чем провозглашать новую идеологическую установку, следовало бы сделать крупный шаг в выравнивании регионов, чтобы люди не стремились в одну точку — Москву; добиться поворота в том, чтобы специалисты, уехавшие из России, начали возвращаться обратно; вот на основе этого можно будет говорить в полном смысле о *российской* нации. А без этого данная формула мне представляется чисто идеологическим изобретением, основанным на интересах некоторых бюрократических структур. Причем в этом важном вопросе опросы общественного мнения не следует рассматривать в качестве решающих аргументов. Следовало бы помнить, что граждане России только 10 лет назад получили паспорта, в

которых не фиксировалась «национальная принадлежность». Устранение 5-го пункта из паспорта было тоже добавленной ценностью к построению гражданской нации. Но вспомните о вкладышах к паспорту, которые стали выдаваться в некоторых республиках, вспомните об оттоке русского населения из всех республик Северного Кавказа.

Наконец, седьмой пункт. Социологическое мышление — это мышление ради понимания событий, развивающихся в определенном социокультурном контексте. Нет таких социальных процессов, включая развитие самой социологии в той или иной стране, которые носят надгосударственный, наднациональный характер. Да, межнациональная социология существует, но каждый участник этого процесса является представителем своей нации. Гидденс — англичанин, Парсонс — американец, Маркс — немец, и каждый жил в своей социокультурной ситуации. Любой процесс обязательно нужно соизмерять с ситуацией и тем, куда она движется.

Наша социология выросла в 1960-е годы на волне демократизации. Пришла хрущевская оттепель, с ней вместе общество подошло к необходимости реформ, так называемых косыгинских. Кстати, в историческом обзоре, представленном Г.В. Осиповым, ни слова не было сказано про участие социологии в конце 60-х — начале 70-х в готовящихся реформах¹⁷. Но идея реформ потерпела крах, изменился курс политики, пришло другое руководство, которому было далеко чуждо социологическое мышление, знание конкретики самой жизни.

И теперь имеются тревожные симптомы такого же поворота. Когда нам говорят, что надо всю историю России пересмотреть (см. «Вестник российской нации». 2008. № 1), когда главным человеком российской истории объявляется граф Уваров с его фамильным гербом «Православие, Самодержавие, Народность», — человек, заклеенный в сатирической оде А.С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» (кстати говоря, в одном из предсмертных стихотворений русского гения), то спрашивается, к чему мы идем? К тому, что завтра героем национальной культуры будет объявлен граф А.А. Аракчеев?

Я как-то незаметно для себя увлекся изложением впечатлений и мыслей, связанных с первым днем Конгресса, так что обзор последующих событий оставляю на будущее.

¹⁷ В 2005 году под редакцией Н.И. Лапина вышла в свет книга «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов». Эта фундаментальная публикация раскрывает смысл социологического разгрома 70-х годов. Как показывает эта коллективная монография, социология была готова для активного участия в реформах.